

Томатный суп

Театральная постановка, в которой автор отдает дань уважения женской интуиции

Павел Бернацкий, Вантаа, 2026

ПЕРСОНАЖИ:

ТРУБАДУР

АСТРОЛОГ

ПАЛАЧИХА

1-я сцена

Тихое место в Подгродзе

АСТРОЛОГ

ТРУБАДУР

(ТРУБАДУР одет роскошно, почти как дворянин)

ТРУБАДУР:

Лунетыцкий? Это ты? Что ты здесь делаешь? Я думал, ты работаешь в Кастеле? Астрологом.

АСТРОЛОГ:

Пюрковский? Я тебя не узнал. Похоже, ты можешь купить весь Кастел. Я там больше не работаю.

ТРУБАДУР:

Кастель произвёл неожиданные, но необходимые изменения в кадровом составе?

АСТРОЛОГ:

Меня просто выгнали. А ты совсем не изменился. Трубадур всегда говорит как трубадур, даже если на нём одежда, которую не могут себе позволить даже все купцы вместе взятые. У тебя нет для меня работы?

ТРУБАДУР:

С каких это пор трубадуры, как говорят, нанимают придворных астрологов, которых Кастелан не может себе позволить?

АСТРОЛОГ:

Наверное, с тех пор, как трубадуры начали одеваться как принцы. Ты что, стал заискивать перед толпой?

ТРУБАДУР:

Это не тот разговор, который ведут в Подгроде. Послушай, ты, наверное, не обидишься, если я предложу поговорить где-нибудь в другом месте. Короче говоря, я приглашаю тебя на обед! И даже не говори, что ты не голоден.

АСТРОЛОГ:

Скажу так: я не читал в звездах, что обед, съеденный сегодня или когда-либо, был бы для меня чем-то особенно вредным. Но тебе это совершенно не нужно. Я как-нибудь справлюсь.

ТРУБАДУР:

Да ладно тебе, Лунетьцкий... Ты что, с башни упал? Поговорим, вспомним старые времена. Может, что-нибудь придумаем. К тому же этот обед не будет мне стоить ни одного таляра. Я приглашу тебя к своим друзьям, они живут неподалеку. Это порядочные люди. Мастер Оправчжи Добромил и его супруга, достопочтенная госпожа Добромилова.

АСТРОЛОГ:

Тот, кто работает в камере пыток: «Иди к палачу!»? Я его знаю, но только понаслышке.

ТРУБАДУР:

Как же мал наш городок... Откуда ты его знаешь?

АСТРОЛОГ:

Его начальник, инквизитор Справедлицкий, иногда бывает в Кастелле. Он регулярно спрашивал меня, что нового говорят звезды. Самого мастера пыток Добромилу я не имел удовольствия встретить лично.

ТРУБАДУР:

Я тоже знаком с инквизитором Справедлицким. Интересный человек. У него есть привычка задавать вопросы. И он делает это так, что, когда он спрашивает о вчерашней погоде, человек вдруг начинает рассказывать ему историю своей жизни. Никто никогда не сможет выгнать его из Кастеля. На самом деле его ниоткуда не выгонят. Здесь у него контракт на выполнение работ, там он консультант, а в других местах он бескорыстно оказывает поддержку...

АСТРОЛОГ:

Он также оказывал мне бескорыстную поддержку, пока меня не выгнали. Затем он заметил, что не имеет ничего против астрологии, но не одобряет оказание поддержки кому-либо любой ценой. Вера в астрологию, как и любая другая вера, — это прекрасная вещь, — так он сказал. Но одно дело — посвятить себя своей страсти, и совсем другое — говорить о какой-то великой катастрофе, угрожающей всему королевству, потому что так написано в звездах. И эта катастрофа, без сомнения, перестанет угрожать, как только мой кастелян достанет несколько дукатов на дальнейшие исследования. Справедлицкий всегда повторял,

что если инквизиция допускает среди народа скептицизм по отношению к астрологам, то и такой астролог не может навязывать свои взгляды никому. Инквизитора Справедлицкого не выгонят никогда.

ТРУБАДУР:

Кастелана выгонят скорее. Но Справедлицкий — по-своему полезный тип, хотя он говорит так, будто читает правила Агентства по защите свободы слова. Ну, пойдём на обед? Не говори, что не любишь буржуазную еду...

АСТРОЛОГ:

Я не умею поддаваться на уговоры, ты же это знаешь. Но я не знаю, уместно ли это, ведь я их не знаю. Если они твои друзья, то ты можешь пойти, ладно. Мне уже не очень-то уместно вклиниваться в компанию.

ТРУБАДУР:

Но кто тут навязывается? Мы случайно заглянем к мастеру Добромиле. Случайно не застанем его дома. Случайно встретим госпожу Добромилу. Довольно привлекательная женщина, приятно на неё смотреть. Если бы я пошёл один, она могла бы подумать, что приглашение на обед в отсутствие мужа — это немного чрезмерная гостеприимность. Замужняя женщина должна заботиться о своей репутации. Но так — мы приходим вдвоём, что развеивает все подозрения. Приглашение на обед вполне уместно.

АСТРОЛОГ:

Но нам всё же стоит что-нибудь взять с собой. Бутылку импортного вина?

ТРУБАДУР:

(иронично)

Безусловно. И закажи ещё специи.

(нормальным тоном)

Это не Каштель, здесь тебе не нужно притворяться аристократом. Я ему немного совру, ты ему немного соврешь, а он будет притворяться, что верит нам. Если это поднимет тебе настроение, подумай, что так было предназначено звездами. И она готовит великолепную еду. Я с удовольствием пообедаю.

АСТРОЛОГ:

Я всё же хотел бы что-нибудь купить. Бутылка вина, пожалуй, действительно плохая идея. Не знаешь, где здесь можно купить что-нибудь подходящее? До сих пор я обедал в «Кастеле», и, как ты сам понимаешь, я не знаком с местной кулинарной культурой. У меня ещё осталось несколько дукатов в кошельке...

ТРУБАДУР:

Здесь можно купить всё. Ну, почти всё. И цены намного ниже, чем в «Кастеле». Только дичь купить нельзя, по крайней мере официально, потому что её продажа здесь запрещена для борьбы с браконьерством. Но у меня есть идея. Купи три помидора. Их продают неподалёку отсюда. Вы заплатите десять, максимум двенадцать талеров. Это всё равно дорого, ведь помидоры — последний писк моды. К тому же, как говорят, они легко усваиваются.

АСТРОЛОГ:

Пусть будет так. Пошли!

Сцена 2

Комната в доме мастера Добромила

ПАЛАЧИХА

ТРУБАДУР

ПАЛАЧИХА:

Я хотел бы перекинуться с вами парой слов, господин Пюрковский.

ТРУБАДУР:

К вашим услугам, госпожа Добромилова. Я догадывался, что вы, возможно, немного недовольны нашим неожиданным визитом. Что ж, тот господин, которого вы только что попросили помыть помидоры в ведре перед домом, — не кто иной, как сам господин Лунетьцкий! Придворный астролог кастеляна. То есть бывший придворный астролог. Образованный человек. Благодаря своей прежней должности он вращался в лучших кругах. Он обедал сам с кастеляном, в окружении других дворян и людей, занимающих высокое положение. Сейчас он в затруднительном положении, так что...

ПАЛАЧИХА:

Вы имеете в виду, что господин Лунетьцкий вращался в лучших кругах, но теперь оказался в плохой компании? Господин Пюрковский, ваша склонность к самокритике трогательна. Я не имею в виду господина Лунетьцкого. Конечно, я с удовольствием приглашу вас на обед и выполню обязанности хозяина. Сейчас уже не те времена, когда женщин не допускали к гостям. У меня самой были определенные сомнения по поводу эмансипации женщин. И я скажу вам: даже если у кого-то нет собственных мыслей, хорошо иметь хотя бы собственное мнение о высказанных мыслях. В некоторых вопросах я до сих пор не уверена, а в других — напротив, да. Сегодня женщина может сама подавать гостям обед, она может вращаться как в художественных, так и в научных кругах...

ТРУБАДУР: *(поклонившись)*

Я хочу поблагодарить вас, госпожа Добромилова, как от имени господина Лунетьцкого, так и от себя лично!

ПАЛАЧИХА:

Не за что. Жду благодарности после обеда, господин Пюрковский. Я готовлю томатный суп. Но, раз уж представился такой случай, позволю себе добавить в этот суп щепотку правды, чтобы обед всем нам показался одинаково вкусным.

ТРУБАДУР:

Это наверняка будет такой томатный суп, о котором поют баллады! Я сам, без сомнения...

ПАЛАЧИХА:

А я позволяю себе сомневаться. Послушайте, господин Пюрковский, — мой муж рассказал, что нашел с вами общий язык при вашей первой встрече в камере пыток. Он сказал, что вы не умеете лгать...

ТРУБАДУР:

Передайте моё почтение вашему уважаемому супругу, мастеру Добромилу!

ПАЛАЧИХА:

Передам. И от его имени благодарю вас заранее. Вы попали в самую точку. Он — честный и принципиальный человек. Он заметил в вас то, что присуще ему самому: трудность лгать другим. Но он не заметил, что вы, будучи трубадуром, драматургом или кем там ещё... Короче говоря, мой Добромил не заметил, как быстро вы учитесь. А ему следовало бы это заметить. Ну, мой муж — не инквизитор Справедлицкий, и он мыслит в других категориях.

ТРУБАДУР:

Но работа палача не менее необходима! Она полезна, она — основа правосудия и порядка...

ПАЛАЧИХА:

Извините, я ещё не закончил. Я знаю, что работа палача приносит пользу. Если профессия палача когда-нибудь перестанет пользоваться уважением или даже будет полностью отвергнута, люди рано или поздно научатся её ценить. Знаете ли вы почему, господин Пюрковский? Потому что даже преступники быстро учатся. Они быстро усваивают безнаказанность, они усваивают силу денег, и в конце концов они усваивают, что нанесённое другому несправедливость прощается невероятно легко. Что легко убедить других и самого себя в том, что никто не ожидал неизбежных последствий безнаказанности преступников. Речь идёт не о справедливости, господин Пюрковский. Речь идёт о безопасности. Когда казнитей больше нет, обычные люди начинают бояться. Потому что, к сожалению, кто-то должен бояться. Либо те, кто нарушает закон, либо те, кого закон призван защищать.

ТРУБАДУР:

Ваши слова следует вышить на золотой ткани и развесить на флагах, госпожа Добромилова!

ПАЛАЧИХА:

... а вы, господин Пюрковский, наверняка напишете об этом балладу или стихотворение. Скажу вам честно, господин Пюрковский. У честности тоже есть свои минусы. Мы, женщины, когда говорим, что ценим честность, обычно имеем в виду честность по отношению к себе. Не знаю, есть ли вообще какой-то смысл во всей этой астрологии, когда мы читаем наши судьбы, написанные в звёздах. Но господин Лунетыцкий, даже если он и ошибается в астрологии, действительно в неё верит. Кстати, он, наверное, уже успел помыть те помидоры.

ТРУБАДУР:

Наверняка он специально оставил их на солнце, чтобы они немного подсохли.

ПАЛАЧИХА:

Не знаю, как женщина, что и думать об алхимике. Может, в этом есть доля правды, а может, и нет. Но я знаю, что среди алхимиков есть те, кто в это верит. И мой Добромил тоже верит в то, чем занимается; он — добрый и искренний человек. Девушка, слушая признания юноши, также не обращает особого внимания на то, есть ли шанс, что его мечты о счастье двух людей и их общей любви до самой могилы сбудутся. Прежде всего она хочет знать, насколько сильно сам этот юноша в это верит. Она готова принять даже неправдоподобные видения, лишь бы они были искренними. Она может дать понять, что не верит в эти видения, только для того, чтобы услышать, с какой силой этот молодой человек их опровергает. Человек может ошибаться в астрологии или алхимии. Но он не должен говорить о вещах, в которые сам не верит.

ТРУБАДУР:

Ну, мы, художники, иногда позволяем себе некоторую творческую свободу...

ПАЛАЧИХА:

Совершенно верно! Вы, господин Пюрковский, позволяете себе некую творческую свободу и при этом учитесь невероятно быстро. По-моему, во многих отношениях вы даже превосходите инквизитора Справедлицкого. Не обижайтесь, но люди, способные на это, умеют овладевать множеством различных навыков. В том числе и такими, которые потом невозможно забыть. Например, они могут рассказывать женщинам то, во что те хотят верить. Хотя сами они в это вовсе не верят. Кстати, вы, может быть, знаете, кто написал пьесу о прекрасной и юной Пульхеринде, которую преследовал злой Хоррификус?

ТРУБАДУР:

Я понимаю, что вы спрашиваете о моём возможном участии в театральных проектах. Конечно, я интересуюсь театральным искусством — как зритель и как драматург. Однако, как вы сами понимаете, госпожа Добромилова, как человек, работающий в этой сфере, я не могу раскрывать личные данные...

ПАЛАЧИХА:

Но вы наверняка знаете автора той печальной повести «Янко Ранбанко», в которой маленький мальчик, с детства имевший склонность к профессии палача, подвергается суровому наказанию за кражу ножа?

ТРУБАДУР:

Скажу только, что мне известны его личные данные, но, к сожалению, я не могу их раскрыть по причинам, известным только мне. Не лучше ли спросить об этом у господина Лунетыцкого...?

ПАЛАЧИХА:

Это была бы отличная идея. О литературе можно говорить бесконечно. Простите, если мои слова звучат немного резко, но я не обращаюсь к вам лично, а просто размышляю вслух. Я не исключаю возможности, что если профессия палача когда-нибудь действительно исчезнет, а Гильдия палачей прекратит своё существование, даже тогда какому-нибудь идиоту может прийти в голову написать пьесы именно о палачах, да ещё и пьесы, полные безвкусного юмора.

ТРУБАДУР:

Но что с того... Вы же сами упомянули, что работа палача полезна и необходима.

ПАЛАЧИХА:

Я это знаю, и вы это знаете. Но что с того, если эти пьесы читает или смотрит толпа, которая считает их великолепной шуткой? Люди смеются над всем, что отличается от обычного. В абсурдном мире они смеются над нормальным миром, вы сами увидите. А пока не могли бы вы, пожалуйста, позвать господина Лунетыцкого? Скажите ему, что мы поспорили из-за томатного супа. Что для меня было важно убедить вас отказаться от идеи готовить суп по вашему рецепту, господин Пюрковский. Пусть это и будет немного эгоистично с моей стороны. Но я тоже должен полюбить свой суп.

ТРУБАДУР:

Я пойду. Господин Лунетыцкий!

Сцена 3

Комната мастера Добромила в доме

ПАЛАЧИХА

ТРУБАДУР

АСТРОЛОГ

ПАЛАЧИХА:

Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, господин Лунетыцкий!

АСТРОЛОГ:

Пожалуйста, уважаемая госпожа, вот вам помидоры! Я хотел бы ещё раз извиниться за вторжение. Я не смог устоять перед уговорами господина Пюрковского, с которым я имею честь быть знакомым уже много лет. Он человек многогранного таланта, уважаемая госпожа! Чем бы он только не был! Трубадур, писатель, драматург... Такой человек не проводит свою жизнь в башне, вглядываясь в звёзды.

ТРУБАДУР:

Господин Лунетыцкий, как всегда, преувеличивает. Что значит быть художником? Художник ублажает вкусы... Приберегите похвалы, дорогой мастер Лунетыцкий, для томатного супа.

ПАЛАЧИХА:

Господа, приберегите похвалы на время дегустации. Я, конечно, знакома с господином Пюрковским. Сначала я немного слышала о нём от мужа, потом он время от времени навещал нас. В первый раз он пришёл вместе с инквизитором Справедликим. Это начальник моего мужа, они работают в камере пыток «Иди к палачу».

АСТРОЛОГ:

К сожалению, мне не довелось побывать в упомянутой камере пыток. Вообще-то я нечасто бываю в Гроде, так как в Кастеле это считается дурным тоном. Не прилично жаловаться на бывшего работодателя. Но это вы, конечно, знаете и без меня: обязанность Каштеля — сохранять право Грода на самоопределение. В соответствии с положениями, закреплёнными в документе о предоставлении городских прав, Каштель не имеет права вмешиваться, например, в выборы городского совета или выборы мэра. По этой причине он надеется, что жители Каштеля, включая астрологов, не будут посещать Грод без насущной необходимости. Другое дело — праздничные дни, ярмарки, казни или другие массовые мероприятия.

ТРУБАДУР:

Мастер Лунетыцкий был просто отрезан от мира! Поверьте, госпожа Добромилова, что изначально он намеревался приобрести ингредиенты для нашего ужина, а именно дичь и вино из Занора! Я объяснил ему, что такие деликатесы можно купить только в двух гостиницах, предназначенных для дворян и знатных гостей, и те находятся в самом замке, а не в его пригороде. Кастель живёт своей собственной жизнью. Житель Кастеля готов заплатить, например, десять дукатов за товары стоимостью десять таларов и даже не догадывается, насколько он переплатил.

АСТРОЛОГ:

Я не собираюсь спорить. Конечно, существует определённая осторожность, я бы даже сказал, склонность к демонстративному соблюдению границ с обеих сторон. Однако было бы большим преувеличением утверждать, что Каштель изолирован от остального мира. На близлежащих холмах существует система сигнальных огней, введена голубиная почта, а в гостиницах, расположенных вдоль главных дорог, поочередно содержатся лошади. Кроме того, мы, астрологи, не только наблюдаем за звёздами и составляем гороскопы, но и обязаны сообщать о явлениях, предвещающих приближающиеся бедствия, таких как кометы или даже затмения.

ТРУБАДУР:

Кроме того, стражи, трубачи, которые подают сигнал тревоги в случае неожиданного нападения, а также эвакуационные маршруты для городских властей на случай ожидаемого нападения. Помимо этого, существует система колоколов, которая звонит в случае пожаров. И, конечно же, Строго Государственное Управление по вопросам справедливости, честности и всякого рода счастья.

ПАЛАЧИХА:

Господа, вы начали обсуждать деликатные и спорные темы. Это вопросы, о которых даже инквизитор по делам справедливости не осмеливается говорить, хотя у него, возможно, и есть некоторая информация по этому поводу.

АСТРОЛОГ:

Это очень мягко сказано, госпожа Добромилова. Я знаком с инквизитором Справедлицим, он также регулярно бывает в Кастеле. Для меня совершенно очевидно, что он обладает информацией об упомянутом ведомстве. Это ясно следует даже из того, что я ни разу не слышал, чтобы он упоминал его название в какой-либо беседе.

ТРУБАДУР:

Вы, наверное, удивитесь, но мне довелось некоторое время провести, скажем так, в качестве обитателя камеры пыток «Иди к палачу!». Там находятся два, так сказать, человека,

которые за время моего пребывания ни разу не упомянули название упомянутого ведомства, и в тех редких случаях, когда кто-то другой упоминал это название, они сохраняли каменное спокойствие. На мой взгляд, это дает основания подозревать, что они, по крайней мере, прошли подготовку со стороны упомянутого ведомства. Это не может быть совпадением.

ПАЛАЧИХА:

Два человека?

ТРУБАДУР:

Двое, уважаемая госпожа Добромилова!

ПАЛАЧИХА:

Вы же не подозреваете моего мужа, мастера пыток Добромила? Это было бы ужасно. Не знаю, выдержала бы я даже мысль о том, что мой муж...

ТРУБАДУР:

Но, госпожа Добромилова! Успокойтесь, присядьте, я, может быть, открою окно, чтобы вы могли подышать свежим воздухом. Я выразился немного неуклюже, чтобы добиться большего драматического эффекта. Один из этих людей — действительно инквизитор Справедлицкий. Но другой — отнюдь не супруг госпожи. Я уверен, что мастер Добромил не способен...

ПАЛАЧИХА:

Господин Пюрковский!

ТРУБАДУР:

Я имел в виду крысу Пафнуци! Он не является сотрудником камеры пыток, но занимает там, я бы сказал, своего рода неофициальную должность. Он живет в камере, и хотя это лучшая камера в подвале, Пафнуци никогда не бывает в кабинете Справедлицкого.

ПАЛАЧИХА:

Вы меня напугали, господин Пюрковски. Крыса Пафнуса? Мой муж даже не упоминал об этом...

ТРУБАДУР:

Ну, видите ли! Возможно, он не упомянул об этом, потому что нет ничего удивительного в том, что в какой-то камере живет крыса. Или, может быть, он не упомянул об этом, потому что догадался о чём-то, о чём ему не следовало догадываться. Думайте, что хотите, но теперь меня начинает бросать в дрожь от мысли, что я провела много времени в

одной камере с Пафнуци. Мы даже ладили друг с другом. Страшно подумать, что он мог бы со мной сделать. И что он обо мне знает.

АСТРОЛОГ:

Госпожа Добромиллова! Приношу свои глубочайшие извинения, я не должен был упоминать Кастеля, голубиную почту и так далее. Из-за меня господин Пюрковский зря употребил имя, которое обычно стараются не произносить. Теперь вам лучше?

ПАЛАЧИХА:

Да, да, это был всего лишь мимолетный приступ одышки. Мне уже лучше. Господа, ложки в руки! Через минуту я жду восторга и похвал. Томатный суп! Господа, угощайтесь!